

**Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия
8,
Современная христология, Часть 3, Юрген
Мольтманн ,
Католическое и процессуальное богословие**

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон и его учение о христологии. Это сессия 8, Современная христология, Часть 3, Юрген Мольтманн , Католическое и процессуальное богословие.

Мы продолжаем изучение современной христологии с Юргеном Мольтманном .

Подобный ход мыслей, но ведущий к гораздо большим последствиям для учения о Боге, обнаруживается в другом постбартнианском христологическом проекте Юргена Мольтмана . Мольтман говорит нам, что его теология заключается в его интересе к теологии креста, которая восходит к годам сразу после Второй мировой войны, когда он и другие выжившие представители его поколения были возвращены из лагерей и госпиталей в лекционный зал. В этой ситуации, цитата, теология, которая не говорит о Боге, в глазах того, кто был брошен и распят, не имела бы ничего, что бы сказать нам, закрыть цитату.

Это из его книги «Распятый Бог». Конечно, Мартин Лютер ранее имел теологию креста против средневековых римско-католических теологий, которые он называл теологией славы, утверждая, что просто маршируют прямо в присутствие Бога и знают все о нем и тому подобное. Вместо этого Лютер сказал, нет, истинная теология — это теология креста, Христа, страдающего на кресте за наши грехи.

Это теология унижения, смирения, страдания и т. д. Новая христология креста и новая теология креста разрабатываются Мольтманом для того, чтобы дать ответ на отчаянные крики страдающего и умирающего человечества. Гносеологическим принципом теологии креста может быть только этот диалектический принцип.

Божественность Бога раскрывается в парадоксе креста. Мольтман , извините, развивает это в диалектический принцип, который управляет всей его теологией и приводит к новой христианской практике освобождения. В чем смысл креста для Мольтмана ? Иисус умер там как отвергнутый Отцом.

Это то, что Бог, воскресивший Иисуса, есть Бог, распявший его. Это может означать только одно: мы должны стремиться понять Бога в страстях, в распятии Иисуса. Он говорит, что Барт не зашел достаточно далеко, говоря о Боге в страданиях Христа.

Другими словами, идея Барта, по мнению Мольтмана, была недостаточно тринитарной. Когда мы рассматриваем значение смерти Иисуса для самого Бога, мы должны войти в межтринитарные противоречия и отношения Бога и говорить об Отце, Сыне и Святом Духе. Крест — это не просто то, что произошло с человеком Иисусом, но это произошло с самим Богом.

Событие Христа на кресте — это событие Бога. Поэтому крест — это самораскрытие Бога как триединого Бога. Он говорит о смерти Бога, ссылаясь на смерть Христа, не подразумевая смерть Отца.

В то же время он отстаивает идею *patra*, он отвергает *patrapassionism*, страдания Отца, но он утверждает *patracompassionism*, Отец страдал с Сыном. Христос проклят Богом. Теология креста не может быть выражена более радикально, чем здесь.

Поэтому возможен только один вывод. Цитируя Юргена Мольтмана, в страстях Сына сам Отец страдает от мук покинутости. В смерти Сына смерть приходит к самому Богу.

И Отец страдает от смерти своего Сына в любви к покинутому человеку, в своей любви к покинутому человеку. Поэтому, утверждает Мольтман, в смерти Иисуса на кресте Бог принял на себя все страдания этого мира. Вся человеческая история, цитирующая его, как бы сильно она ни определялась виной и смертью, принимается в эту историю Бога, то есть в Троицу, и интегрируется в будущее истории Бога.

Нет страдания, которое есть, которое в этой истории Бога не является Божьим страданием. Нет смерти, которая не была бы смертью Бога в истории Голгофы. Насколько серьезно это подразумевает Мольтман, видно из того факта, что в этом контексте он подчеркнута упоминает Освенцим.

Даже Освенцим взят Богом и интегрирован в его историю. Раздвоение в Боге содержит в себе весь шум истории. И это означает истинное спасение для всех, если, для, для, это означает истинное спасение.

Ибо если вся человеческая история, с ее страданиями, виной и смертью, взята в эту историю Бога, то она также взята в будущее истории Бога, то есть победу Бога над страданиями, виной и смертью. Если это, кажется, относится к универсализму, вы правы. И снова, конечный результат медитаций и

теологизации современных теологов — обожествление всего человеческого рода.

Клаас Руина , голландский теолог, евангельский теолог, оценивает программу Мольтмана . Его книга, кажется, воспринимает реальность страдания и смерти совершенно серьезно. Она делает это, связывая как эту реальность страдания и смерти с крестом Иисуса Христа, так и сам крест с самой сутью бытия Бога.

То есть, он распятый Бог, ссылаясь на название книги Мольтмана . И все же, говорит Руина , именно в этот момент у нас должны начаться вопросы. Во-первых, действительно ли идея распятого Бога соответствует Священному Писанию? Поэтому Лютер не колеблясь говорит, что Бог страдает во Христе, но можем ли мы пойти дальше этого? Лютер всегда отказывался это делать.

Для него страдания Бога были непостижимой тайной, которую даже ангелы не могли полностью понять здесь. Руина говорит: Я считаю, что Лютер был прав в этом вопросе. Это человек Иисус, висящий на кресте как представитель, которого оставил его Бог.

Это, безусловно, сильно отличается от интерпретации Мольтманом креста как события внутри самого Бога. По мнению Руины , Мольтман здесь выходит за рамки сдержанного языка писания, и полученная в результате теология креста является спекулятивной конструкцией, которая в решающих моментах показывает больше близости к Гегелю, чем к библейской керигме. Во-вторых, почти исключительная концентрация Мольтмана на кресте не происходит за счет воскресения.

По общему признанию, второй момент — это вопрос о том, не является ли сосредоточенность Мольтмана на кресте преуменьшающей воскресение Иисуса. Он не отрицает этого в своей «Теологии надежды», своей первой крупной работе. Он очень подчеркивал воскресение. Но теперь, в его книге «Распятый Бог» все наоборот.

Павел никогда не говорит о Боге как о том, кто страдал с Иисусом на кресте, но снова и снова он говорит о Боге; Павел говорит о Боге как о Боге, который воскресил Иисуса из мертвых. Воскресение — это не только проявление скрытого смысла креста, но и следующий этап в истории спасения. Акцент Мольтмана на распятом Боге преуменьшает до точки реальной проблемы: воскресения Христа.

Можем ли мы действительно говорить о смерти в Боге, номер три? Нигде в Библии не говорится об этом. Похожий вопрос возникает, когда Мольтман говорит о включении всех человеческих страданий и смерти в историю Бога. Разве этот взгляд не является скорее гегелевским, чем библейским?

Пятый, следующий взгляд Мольтмана, как и взгляд Панненберга, по-видимому, ведет к эсхатологическому и универсалистскому обожествлению человека.

«Человек принимается без ограничений и условий в жизнь, смерть и воскресение Бога и в вере телесно участвует в полноте Бога. Нет ничего, что могло бы исключить его из положения Бога между скорбью Отца, любовью Сына и побуждением Духа. Человеческий Бог, который встречает человека в распятом Христе, таким образом вовлекает человека в реалистичное обожествление».

Опять же, нельзя не задаться вопросом, не соответствует ли это скорее гегелевской, чем библейской эсхатологии.

Шестое, наконец, есть вопрос, что осталось от Халкидона? Это кажется очень сложным вопросом для ответа. Мольтман соглашается с Халкидоном, что Иисус — истинный Бог и истинный человек. С другой стороны, учение о двух природах на самом деле не играет никакой роли в его книге «Распятый Бог». Вопрос, которого здесь нельзя обойти, заключается в том, воспринимается ли всерьез человечность Иисуса в акценте Мольтмана на распятом Боге.

Мольтмана гораздо больше, чем у Вольфхарта Панненберга. Итак, мы переходим к католической теологии. Поразительно, что поиск альтернативной христологии продолжается как в римско-католических, так и в протестантских кругах.

Новые теологи, назовем их так, все согласны в двух вещах. Во-первых, мы должны взять отправную точку в человеке Иисусе. Это означает, что христология снизу, которую мы неоднократно видели, весьма проблематична.

Во-вторых, особенно если это абсолютная христология снизу, как у большинства этих теологов. Панненберг — исключение, а не правило. Во-вторых, мы должны отнестись к его истинной человечности абсолютно серьезно.

Ну, мы делаем это, но если мы начнем абсолютно снизу, принимаем ли мы его божественность всерьез? Он Бог? Потенциальные проблемы, на которые я только что намекнул, к сожалению, справедливы и для другого известного римско-католического теолога, Ганса Кюнга, который больше не является официальным римско-католическим теологом. Его конфликты в Риме привели к его увольнению с должности преподавателя студентов-католиков в Тюбингенском университете, и его влияние по-прежнему значительно, в том числе в протестантских кругах. Прежде всего, он хочет быть апологетом

христианской веры в мире, который вовлечен во все более интенсивный процесс секуляризации.

Мы должны отказаться от старой средневековой картины и картины мира и принять картину, которая возникла из современной науки. Кунг призывает к новой парадигме. Последствия учения Христа он подробно обсудил в своих последних двух крупных работах о том, как быть христианином и существует ли Бог. Из обеих работ очевидно, что он выбирает христологию снизу, начиная с Иисуса Христа как человека на земле.

Явная христология возникает из неявно христологической речи, действий и страданий самого Иисуса. Фактически, мы видим, как в Новом Завете возникает несколько различных христологий, согласно Кюngu. У меня есть друг, который защитил докторскую диссертацию по католической теологии Тюбингена.

В какой-то момент он отправился в Тюбинген в Германии и брал интервью у римско-католических теологов, включая Ганса Кюнга и Вальтера Каспера. Он вернулся очень грустным человеком. Он сказал, что все, кого он интервьюировал, за одним исключением, не были православными.

Каждый из них начинался абсолютно снизу, с человека Иисуса, и делая это, вы не можете достичь халкидонской или библейской христологии со вторым лицом Божества, Богом Сыном, становящимся человеком в Иисусе из Назарета. Единственным исключением был не Ганс Кюнг, а Вальтер Каспер, который верил в воплощение Сына Божьего. Мой друг был очень воодушевлен этим, но в целом очень опечален яркими, известными, пишущими немецкими богословами, которые на самом деле не верили в православную христологию.

Собственная точка зрения Кюнга — это функциональная христология, в отличие от сущности христологии. Отношение Иисуса к Богу должно быть выражено в категориях откровения. Иисус — это слово и воля Бога в человеческой форме.

Истинный человек Иисус из Назарета является для веры настоящим откровением единого истинного Бога. Это цитаты. В Иисусе Бог показывает нам, кто он есть, и показывает нам свое лицо.

В том же Иисусе, в этом смысле, Иисус есть образ, слово, Сын Божий. В этом же контексте предсуществование, приписываемое Христу, означает, что он всегда был в мыслях Бога. Это не библейское предсуществование.

И отношения между Богом и Иисусом существовали с самого начала и имеют свою основу в самом Боге. Библейское предсуществование означает, что до того, как появился человек, Иисус, был вечный Сын Божий, который всегда

существовал на небесах с Отцом и Святым Духом. И что это божественное существо стало человеком, полностью сохранив свою божественность.

Не может быть никаких сомнений, пишет Руния, что это действительно функциональная христология. Но согласуется ли она с тем, что древняя церковь исповедовала на соборах в Никее, Эфесе и Халкидоне? Кун считает, что ответ положительный. Конечно, соборы выражались в метафизических терминах, *homoousios*, одной и той же субстанции, но они не могли поступить иначе, потому что просто нет другой доступной концептуальной системы.

Но то, за что они выступали, истинный Бог и истинный человек, должно сохраняться и в наши дни. «То, что Бог и человек действительно вовлечены в историю Иисуса Христа, — это то, что нужно твердо поддерживать верой даже сегодня».

Требует ли этот язык истинного воплощения? Нет. Что означает для Куна концепция *Were Deus*, истинного Бога? Весь смысл того, что он здесь приводит, — это цитата из Куна, весь смысл того, что произошло в Иисусе и с Иисусом, зависит от того факта, что для верующих сам Бог как друг человека присутствовал, действовал, говорил, действовал и определенно открывал себя в этом Иисусе, который пришел к людям как защитник Бога, заместитель, представитель и делегат, и был утвержден Богом как распятый, воскрешенный к жизни. Все утверждения о божественном сыновстве, предсуществовании, творении, метеоризме и воплощении, часто облеченные в мифологические или полумифологические формы того времени, в конечном счете призваны не больше и не меньше, чем обосновать уникальность, непревзойденность, непревзойденность, новое слово для меня и непревзойденность призыва, предложения и притязания, познанных в Иисусе и с Иисусом, в конечном счете не человеческого, а божественного происхождения, поэтому абсолютно надежные, требующие безусловного участия человека.

Что касается утомленного *homo*, истинной человечности Христа, то, говорит Кун, Иисус был целиком и полностью человеком, образцом того, что значит быть человеком, представляющим высший стандарт человеческого существования. Конечно, он верит. Он верит таким образом, что ничто не вычитается из истины, которой учат соборы; это только переносится на ментальный климат нашего времени.

Но, к сожалению, оценка этого показывает обратное. Это явно христология, которая абсолютна, не относительно, а абсолютно снизу. Ни на каком этапе идея воплощения не рассматривается как окончательное утверждение того, кем на самом деле является Иисус.

Кун не может выйти за рамки функционального утверждения. Иисус — это откровение Божьей силы и мудрости. Возможно, можно сказать, что в христологии Куна онтологический язык функционализирован.

В длинном обзоре книги «Быть христианином» Куна британский евангелист Ричард Бауком назвал это своего рода наивным библеизмом. Бауком не отрицает, что христологический язык Нового Завета в первую очередь, хотя и не полностью, функционален. И, кстати, я с этим согласен.

Но эта функциональная христология требует дальнейшего размышления. И как только по ней задаются рефлексивные вопросы, она, по-видимому, требует существенной христологии для ее подкрепления. Я полностью согласен.

Но, конечно, на этом этапе возврат к наивной функциональной христологии уже невозможен. Нельзя делать вид, что эти вопросы никогда не задавались. Кун может спастись, только заявив, что зрелые плоды христологического размышления в Новом Завете, предсуществование, воплощение, посредничество и творение, принадлежат мифологическим способам мышления, которые должны быть отброшены.

Но разве это не крайне ненаучный способ обработки материала, который не вписывается в предвзятую схему? Неудивительно также, что Кун испытывает трудности в согласовании своей собственной точки зрения с точкой зрения древних соборов, особенно с утверждениями Никейского собора об истинном Боге и истинном человеке. На самом деле, он, кажется, очень разгневан Немецкой епископской конференцией, которая обвинила его в отрицании христологических утверждений Никейского символа веры. Хорошо для них, потому что он это делает.

О, честное слово. Нельзя отрицать, что Кун говорит о Иисусе нечто великое и замечательное. Но нельзя отрицать и то, что эти заявления меньше, чем то, что сказал Никей.

Никейцы, несомненно, также верили, что Иисус был откровением Бога. Но они продолжали говорить, что он является откровением Бога, потому что он Сын Божий в онтологическом смысле той же субстанции, что и Отец. Кун отказывается это делать.

Ганс Кун исповедует Иисуса Господом и Спасителем. Это вызывает у меня большие проблемы. Я очень уважаю Клааса Рунию. Он говорит: «Я глубоко уважаю это исповедание, которое исходит из сердца». Здесь говорит человек искренней веры на языке, который взывает к душе. Поэтому не решаешься анализировать и критиковать это.

Но даже подлинное признание, идущее от сердца, не выходит за рамки анализа и критики. И мы должны сказать, что это признание не выходит за рамки откровения. Хотя оно и интерпретирует истинную человечность без каких-либо оговорок как святого и полностью человека, истинная божественность не интерпретируется таким же безоговорочным образом, как святой и полностью Бог.

Но это было настоящей заботой Никеи. Неудивительно, что Кун также интерпретирует Троицу функционально, а не по существу. В конечном счете, Кун не может выйти за рамки утверждения, что единство Отца, Сына и Духа следует понимать как событие откровения и единство откровения.

Это важное утверждение, но мы также замечаем, что оно говорит об экономическом, а не сущностном единстве. В целом, печаль моего друга, бывшего интервью у Куна в Тюбингене, подтверждается. Его христология не дотягивает до библейской и, следовательно, халкидонской христологии.

Карл Рейнер — очень важная фигура римско-католической церкви. Он стоит наравне с Бальтазаром, Куном и Ранером среди ведущих и наиболее влиятельных католических теологов конца 20-го века. Я бы сказал, что Карл Ранер — самый важный.

Он оказал определяющее влияние на II Ватиканский собор 1962-65 гг. Он был профессором в Мюнстере с 1967 по 1971 гг. В вопросе о божественной благодати он следовал Анри де Любаку, рассматривая благодать как сверхъестественное и как часть человеческого бытия.

Но благодать также свободна и безвозмездна. Великие дела, знамения и чудеса были частью служения Иисуса в истории. Но Иисус был больше.

Он был эсхатологическим пророком с уникальной миссией. Рейнер яростно нападал на докетизм, точку зрения, что Иисус не был полностью человеком. Его главным аргументом было сохранение халкидонской христологии в рамках трансцендентальной философии.

В отличие от Бульмана, он утверждал, что онтологическое, то есть то, чем Христос является сам по себе, Богочеловек, является основой экзистенциального, то есть того, что Христос значит для нас. Ранер писал, что мы не найдем близость Бога ни в каком другом месте, кроме как в Иисусе из Назарета. Искупление, утверждал он, приносит не только искупление, но и участие Бога в мире.

Я просто хочу упомянуть еще две вещи, касающиеся его, потому что он знаменит ими. Его знаменитое утверждение заключается в том, что

экономическая троица — это неизбежная троица, а неизбежная троица — это экономическая троица. Другими словами, троица, функциональная троица, троица, раскрытая в движении в Библии, — это то, кем является троица в своей невидимой сущности.

Экономическая отличительность Иисуса Христа Сына и Святого Духа в нашем спасении отражает реальные предшествующие вечные различия. Я упоминаю об этом только потому, что это очень важно. Роберт Летем в своей систематической теологии говорит, что существуют как допустимые, так и недопустимые применения аксиомы Рейнера.

Положительно, это может означать, что сам Бог раскрывает себя в истории, как он есть в себе в вечности. В этом смысле экономическая троица ничем не отличается от имманентной троицы. Есть только одна троица.

Триединый Бог открывает себя и, делая это, открывает себя. Он верен. Мы можем рассчитывать на то, что его откровение будет верным тому, кем он является вечно.

Тем не менее, наиболее частое использование аксиомы, что неизбежная троица есть экономическая троица, а экономическая троица есть неизбежная троица, было социальными тринитариями, которые фактически полностью исключили неизбежную троицу. В этом направлении мысли экономика — это все, что есть, связанное с панентеизмом теологии процесса. Пантеизм говорит, что Бог есть все, и все есть Бог.

Панентеизм, с греческим словом *en*, что означает в, застрявшим в середине там, означает, что Бог не все, но он во всем. Для такого мышления экономическая троица является неизбежной троицей, поскольку нет ничего другого. Ибо все управляется историей.

Пусть они спорят, Мольтманн, Панненберг, Кэтрин, Лакуна и Роберт Йенсен попадают в эту категорию. Когда кто-то изображает троицу как сообщество, родственное человеческой семье, как это делает социальный тринитаризм, невидимость, неделимость троицы в лучшем случае оказывается под угрозой, и открывается дверь тритеизму. Просто хочу упомянуть об этом, возможно, чтобы побудить зрителей к более самостоятельному изучению.

Другое дело, что с середины прошлого века Рим перешел на явно инклюзивную позицию. Смерть и воскресение Иисуса — единственный путь спасения, но можно спастись Иисусом, его смертью и воскресением, не слыша его имени и не веря в Евангелие в этой жизни. Карл Рейнер в своей лекции в 1961 году ввел фразу «анонимные христиане».

Он писал, что другие, которые противостоят церкви, это просто те, кто еще не осознал, что они, тем не менее, уже есть или могут быть, даже когда на поверхности существования они находятся в оппозиции, они уже анонимные христиане. Действительно, христианин не может, снова цитируя, цитируя Ранера, не может отказаться от этой презумпции анонимного христианства. Это должно порождать терпимость ко всем религиям, и неудивительно, что из-за его мощного влияния на II Ватиканский собор они тоже утверждали нечто очень похожее на это, и теперь Рим сохраняет открытость, не только принимая протестантов как разделенных братьев и сестер во Христе, но и принимая теперь приверженцев религий мира как анонимных христиан, и надеясь на спасение всех из них.

Я уже упоминал Дж. А. Т. Робинсона. Он, как и Мольтман, придерживается функционального подхода. У него нет места доктрине двух природ, объединенных в одном человеке.

Он только говорит, что мы должны использовать два набора языка об одном человеке Иисусе. Он определенно не хочет выходить за рамки функциональной христологии в своей книге, своей важной книге. Помогите мне, как называется книга? Честное слово.

Да, в его важной книге «Честный перед Богом». Извините. В конце концов, хотя он и был епископом в англиканской церкви, в конце концов, Иисус отличается от нас только степенью, а не сущностью.

Еще раз, еще раз, абсолютная и последовательная христология снизу. Христология теологии процесса. Теология процесса, черпая вдохновение в философиях Альберта Норта Уайтхеда и Чарльза Хартшорна, исходит из предположения о пан-ентеистической концепции Бога.

Цитата: Бог действует во всем творении, на каждом уровне существования. Он движется через него, работает над ним, осуществляет в нем свою добрую волю. Однако Бог не тождествен творению.

Он также превосходит его. Он, несомненно, в мире, но в равной степени, можно сказать, мир в нем. Мир в Боге.

Он — неисчерпаемая и неисчерпаемая реальность, которая действует через все вещи, но всегда остается собой. В то время как традиционная христианская ортодоксия утверждает, что был Бог, который затем создал мир из ничего, мир ранее не существовал, теология процесса утверждает, что Бог и мир существуют взаимно, и Бог нуждается в мире, как и мир нуждается в Боге. Было немного христологий процесса, но Норман Питтенгер — тот, кто дал нам именно это.

Иисус Христос, говорит он, является средоточием всепроникающей и всеобщей активности Бога. Он является центральным проявлением человека Бога в действии. Отвергая идею буквального воплощения как невероятную и невозможную, он выбирает идею о том, что в Иисусе энергия и пребывание Бога посредством взаимного проникновения божественного и человеческого достигают кульминационной стадии.

Зрелая книга Питтенгера — *Christology Reconsidered* 1970. Он дает три момента в самой первой главе. В некотором роде мы встречаем Бога в событии Иисуса Христа.

Во-вторых, Бог таким образом встречается в подлинном, исторически обусловленном и полностью человеческом существе.

В-третьих, Бог и этот человек находятся в отношениях друг с другом в режиме наиболее полного взаимопроникновения. Для Питтенгера разница между деятельностью Бога в Иисусе и деятельностью в делах других людей — это разница в степени, а не в природе.

Конечно, это христология абсолютно снизу, которая отрицает воплощение, божественность Христа, а следовательно, и христианское искупление и т. д. Я хотел бы закончить наш обзор современной христологии дебатами о мифе о воплощенном Боге. В конце 1970-х годов в Соединенном Королевстве состоялись дебаты о воплощении.

Началось это с публикации в 1977 году тома «*Миф о воплощенном Боге*» семи британских теологов. Книга вызвала большой резонанс из-за своего провокационного названия, и тем не менее она не дала много нового, но она популяризировала его. В том же году ответ был дан рядом евангельских теологов в небольшом томе «*Истина о воплощенном Боге*» под редакцией Майкла Грина.

Почему семь уважаемых британских профессоров теологии и Нового Завета и т. д. написали книгу под названием «*Миф о воплощенном Боге*»? Все они придерживаются мнения, что доктрина воплощения, если ее рассматривать как описание фактической истины, больше не понятна. Иисус был, как они утверждают, таким, каким он представлен в Деяниях 2:21, человеком, назначенным Богом для особой роли в божественном замысле, и что более поздняя концепция его как воплощенного Бога, второго лица Святой Троицы, живущего человеческой жизнью, является мифологической или поэтической и способом выражения его значимости для нас. Фрэнсис Янг утверждает, что христологические титулы произошли от окружающего культурного фона и использовались ранними христианами для выражения своего вероисповедного ответа Иисусу.

Еще один автор — Майкл Гулдер. Это уважаемые британские ученые. Во второй части тома Лесли Холден и Дон Купидон обсуждают доктринальное развитие, приведшее к Никее и Халкидону.

Клаас Руня оценивает для нас. Ну, я должен сначала подытожить больше из этого дела Никее и Халкидона, потому что мы потратили на это так много времени. И Холден, и Купидон, как участники мифа о воплощенном Боге, отвергают это развитие от Никее до Халкидона как отклонение от того, что Новый Завет говорит нам об историческом Иисусе.

Холден различает опытный язык, который пытается описать бурлящий источник вдохновения, и язык вероучения, который превращает этот источник в контролируемый поток мысли. Морис Уайлс пишет миф в теологии, а Джон Хик, один из редакторов, утверждает, что доктрина воплощения, если ее понимать буквально, пагубна, поскольку подразумевает, что Бога можно адекватно познать и ответить на Него только через Иисуса. И вся религия человечества, выходящая за рамки потока иудео-христианской веры, таким образом, по смыслу исключается как лежащая вне сферы спасения.

Оценка Рунии, номер один, доктрина воплощения, по мнению этих авторов, просто должна была быть отвергнута. Номер два, хотя термин миф используется в названии книги, среди авторов нет единодушия относительно его точного значения.

В-третьих, авторы в целом демонстрируют глубокий и необоснованный скептицизм относительно исторической достоверности писаний Нового Завета.

Ну, это имеет смысл, потому что Новый Завет учит истине о воплощенном Боге, как говорится в ответной книге. Еще более поразительно, что воскресение Иисуса, которое играет огромную роль в Новом Завете, вообще не играет никакой роли в мифе о воплощенном Боге. В томе также полностью умалчивается о сотериологическом значении Иисуса.

Это неудивительно. Если воплощение — миф, Иисус не может нас спасти. Простой человек, каким бы великим, замечательным, могущественным или наделенным Богом, не может нас спасти.

Только Бог может нас спасти. Грех и вина в книге почти не упоминаются. Опять же, я не удивлен.

Некоторые из авторов даже упомянули, что Новый Завет учит воплощению, но авторы все равно не могут принять это по философским основаниям. Все авторы признают, что Иисус — это кто-то очень особенный и что он незаменим для них.

Иногда они говорят о нем в восторженных тонах, и все же они отвергают истину о воплощенном Боге, как утверждает в ответном томе евангельские авторы, которые были откровенно обеспокоены популяризацией либеральных и критических идей среди британской общественности таким образом, что это расстраивало веру многих.

Эти вещи были поданы таким образом, что если вы мыслящий человек, вы, безусловно, отвергнете эти старые мифы об Иисусе, что-то в этом роде. Поскольку наш обзор патристических и современных христологий, исторических теологий Христа и патристических и современных христологий подходит к концу, я просто хочу представить, куда мы пойдём в будущих лекциях. Мы объединим систематическое богословие с библейским текстом, извлекая его из библейского текста.

И таким образом, для божественности Христа мы будем широко работать с Иоанна 1:1 по 18. Для человечности Христа мы будем работать с Колоссянам 1:15 по 20, что также является хорошим местом, чтобы показать божественность Христа. Мы будем работать с двумя состояниями Христа, от Филиппийцам 2:5 по 11, и больше.

Мы также обсудим предсуществование, единство его личности и сообщение атрибутов, и я с нетерпением жду возможности поделиться этими вещами вместе, начиная с нашей следующей лекции. Спасибо еще раз за ваш интерес к этим вопросам.

Это доктор Роберт Петерсон и его учение о христологии. Это сессия 8, Современная христология, Часть 3, Юрген Мольтманн, Католическое и процессуальное богословие.